

Вот уже четвертый день подряд море не приносит нам с Леной удачи, как, впрочем, и остальным рыбакам, что ежедневно вместе с уверенно нарождающейся кровавым росчерком зарей отправляются со спиннингами на надувных лодках в дышащие теплом и райским уютом просторы южной части Тихого океана.

Если нет ветра, то гоняться за прозрачной удачей можно часов до пяти, но, как правило, уже к двум пополудни все «лесные» люди собираются в тени пальм и низкорослых колючих кустарников, обозначивших места для приюта бледнолицых. Все остальные ландшафты, окружающие бухту Лос-Фрейлес, – это пески, кактусы и невысокие залитые ветром горы. Это «идиллическое» место ныне мы нашли на 10 км южнее тропика Рака, в малонаселенном мексиканском штате Южная Нижняя Калифорния – ни телека, ни радио, ни интернета с «мобилой». До первого асфальта – 28 верст по такой трясушке, что и 15 км/ч за «баранкой» кажутся запредельным умопомешательством.

Позднее нас и всегда с уловом с рыбалки возвращается только Хорхе, молчаливый и всегда небритый мексиканец лет пятидесяти, что живет с женой в крохотной, наспех сварганенной из старой фанеры и кусков картона прямо на раскаленном песке паллапе под пальмовой крышей, без электричества и санузла. Тут же Гвадалупа и

готовит мужу нехитрую еду на открытом огне. Мексиканцы – откровенные мясоеды, и в кукурузные лепешки заворачивают не только обжаренные в оливковом масле коровьи и свиные вырезки – карне асада, но и с удовольствием балуются триппой (вареные потроха) и кабезой (тушеные мозги). В качестве гарнира идут фасоль, редиска, авокадо, обжаренный вместе с головками молодого зеленого лука и, конечно же, печеные на огне злые перцы – чили верде – в самом неограниченном количестве. От них всегда дышит огнем не только на входе, но и на выходе.

Лодка у Хорхе пластиковая – пошарканная 7-метровая панга с

двухтактной старенькой рупмельной «Ямахой» на транце. Как обычно, картинно вылетев вечером с полного газу на песок, мексиканец тут же шкерит рыбу и кладет ее на лед в здоровенный фургон, установленный на фордовском шасси времен президента Эйзенхауэра.

Раз в неделю за уловом приезжает деловой и молчаливый перекупщик в белом сомбреро и запыленных остроносых крокодиловых сапогах. Приезжие дороже всего оценивают окуней – кабрия, причем самая большая цена – доллар за кило – полагается за ту рыбу, белесое филе которой ровнехонько умещается на большой тарелке.

Вкуснее окуня ничего нет на свете. Хорхе это знает и порой специально медленно-премедленно преодолевает сто метров от лодки до фургона, чтобы все в округе могли досыта налюбоваться и воззавидовать его улову.

Однажды мартовским вечером, сидя у небольшого костерка Хорхе с задумчивым видом потягивал мутноватый «пульке» – переброженный сок голубой агавы.

– Буэнос ночес, Хорхе...

– Привет, как дела, – мексиканец сразу проворно выстрелил опытным глазом в усмешку луны, заплывшую на бутылочной этикетке с янтарной жидкостью. Непроизвольно он сглотнул слюну и поглядел в сторону очертаний паллапы, где в кромешной тьме чем-то неуклюже громыхала его жена

ПЕСЧАНЫЕ
ОКУНИ,

ТЕКИЛА И КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ

Андрей Великанов. Фото автора

Гвадалупа. В общем, разговор на испанском наречии пошел в самом корrekтном и нужном направлении.

На следующее утро Хорхе с опаской и недоверием оглядывал и щупал мою зодиаковскую надувную посудину ростом в 340 см с 8-сильной двухтактной «Yamaha» на хвосте. Он с надеждой изучал горизонт, но утро не предвещало ничего, что могло бы остановить выход в море за окунями, что в конце вчерашнего вечера и было обещано.

Несмотря на всемирный кризис, моя старенькая лодка ныне оборудована тремя значительными новинками: во-первых, мне удалось приобрести транцевый бензобак канадской фирмы «Dinghy Mate». Он крепится непосредственно к транцевой доске изнутри, не мешает под ногами на полном ходу и настолько удобен, что даже непонятно, как прежде можно было без него обходиться. Во-вторых, в носу появился матерчатый рундук российской компании «Yamagan», и, в-третьих, пожалуй, главным открытием сезона стало массивное сиденье-рундук от самого

«Zodiac», эргономически вписывающееся в борта надувнущи и придающее аэродеку дополнительную жесткость, а пассажиру – полный комфорт на любой возможной кочке.

Я усердно рулил, а мексиканец время от времени указывал направление. Мы прошли километров 10 вдоль берега, когда он нехотя махнул рукой: «Остановись».

Я заглушил движок и с готовностью открыл коробку с блеснами, но Хорхе только недовольно нахмурился:

– Баловство все это, суцая забава гринго!

Без дальнейших намеков мне стало понятно, что он хочет ловить рыбу на живую насадку. Как правило, это анчоусы или любая другая мелкая рыбешка длиной до 15 см. Мексиканцы ловят ее наметочной сеткой, которую умудряются бросать с борта метров на десять. Я же в те минуты мог предложить только «дорожку» на морскую щуку – барракуду, что хищничает практически везде у мексиканских берегов. Крупную барракуду принято ловить на

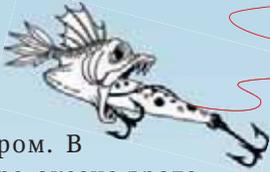
банках далеко в океане, но нам такая ни к чему, а вот полуметровая прибрежная зубатая особа – самое то, что можно с успехом насадить на крючок с поводком в качестве первейшего посейдоновского лакомства.

В этом году по любой рыбе единолично солировал 15-сантиметровый «инвинсибл» от финнов из «Nils Master». На его коричневое брюшко соблазнялись и тунцы, и макрели, и дорадо, и снуки. К сожалению, однажды воблер пришелся по душе и молоденькой песчаной акуле килограммов под 20, и шнур «Power Pro» не выдержал секундного поцелуя шагреневой кожи.

Вот и в то раннее утро, не прошло и десяти минут спокойного дороженья, как мой спиннинг, закрепленный в стакане, резко дернулся вниз, и шпуля безынерционки противно завизжала.

– Пикуда! – довольно проговаривал мексиканец, махнув куда-то в сторону и мы пошли за горизонт на известную только ему банку.

Ловля рыбы в открытом море для новичка всегда кажется просто кош-

маром. В море-океане вроде глазу не за что зацепиться, а под тобой – два и более километра темно-синей глубины.

На деле это не так: то гомонящие птицы издали выдают плотные анчоусовые стаи, которые снизу подпирают хищные тунцы, то дельфины начнут резвиться на отмелях, то сам напорешься на седые вершины подводных скал. Вот в таких тропических декорациях здесь и принято проявлять смекалку, мастерство и навыки владения мушкой, блесной и мотором.

На одну из таких заветных ухоронок, наверное, примерно в 12 км от берега, без GPS, компаса и карты мы тогда и пришли. Бросили якорь у подводной скалы, до дна – не более 10 м. Прямо

укрытия на свежий запах, любой конопатый окушок стремится пошибче заскочить обратно, не особо церемонясь на грациозные обнюхивания и длительные созерцания приманки. Это и есть момент истины, и надо мощно подсекать добычу и вести с таким расчетом, чтобы леска или шнур не перетерлись о подводные скалы, сплошь усеянные морскими ежами и причудливыми коралловыми веточками зелеными и коричневыми оттенками.

У мексиканца дела поначалу шли ловчее, но после почти десятка промахов и я вдруг попал в такт азартного поединка, и через пару часов на борту «Zodiac» нашли приют около 50 светловатых кабрий размером от 20 до 30 см. Маленьких братъев и сестричек, да и прочую нечисть – широчен-

– Вербка, вербка! – вдруг отчаянно заорал Хорхе и ни с того ни с сего принялся вытаскивать носовую веревку в лодку.

Но что это? Якоря на ней не было, и фал заканчивался сломанным карабином.

Если можно было бы представить себе страх и отчаяние, соединенные вместе, то и эта горячая смесь вряд ли отобразила то, что выражали глаза Хорхе в те решительные минуты. Дыхание мексиканца участилось, как у гончей перед последним броском на зверя. Вдруг он безвольно присел на рундук и в отчаянии зашевелил пересохшими губами – наверное, молился.

На раздумья оставалось не более полминуты, ибо, если помешкать и начать философствовать, то в лучшем случае пришлось бы идти в порт приписки с одним спущенным баллоном, о других возможных вариантах и думать не хотелось. «Yamaha» взревела от первого рывка, и через сорок минут мы уже предъявляли улов завистливым обитателям Лос-Фрейлеса.

Я с павлиньим видом смотрел вдаль и скупно выдавал бестактные рекомендации. Гвадалупа жарила окуней в панировочных сухарях целиком в оливковом масле, и их хрустящие плавнички и хвостики были ничуть не хуже филе...

Мы опять сидели с Хорхе у догорающего костра и медленно потягивали репосадо из крохотных глиняных кружечек. Выпить было за что: как и положено мексиканцу, плавать он не умел, и тот ужас, что бедняга сегодня пережил, запомнит надолго.

– Плохая, плохая работа, – приговаривал рыбак, вертя в руках поломанный кусок якорного карабина. Он неодобрительно кивал головой в сторону неизвестного кузнеца, чуть не посадившего нас на рифы. Этот подарок от китайских товарищей Хорхе сунил в карман штанов без объяснений и комментариев.

В тот вечер мы расстались, как родные братья: крепко обнялись, даже прислонившись на секунду щеками. Правда, в этот момент Хорхе, вероятно, прощался с «надувной лодкой», а я наивно полагал, что разгадал главный рыболовный кроссворд.

скажем, хорошее место для блеснения или джига от самого дна.

Мексиканская рыболовная снасть представляет собой миллиметровую леску, намотанную на кусок фанеры с гайкой вместо груза на конце. Естественно, здесь присутствует и крючок, на который насаживается мясо. Чем свежее приманка, тем лучше, поскольку, например, «запарившийся» кусочек мяса барракуды отвалится с зацепа сразу после первого прикосновения губенок даже самого крохотного подводного стервятника.

Окунь со всеми своими колючками чувствует себя вполне нормально в укромных расселинах и гротах. Поэтому, вылетая из

рых коричневых курков, прогонистых серебристых леди, которых мексиканцы называют «мачете», выпускали обратно. Белое и жирное мясо курков по вкусу превосходит лобстера, но за него на берегу не дают и десяти песо.

Как известно, гладким и пушистым открытым океан бывает редко: то там нахмурится рябь, то здесь обдует ветерком. Начало побалтывать и нас, но не смертельно, хотя и в довольно опасной близости от подводной скалы, чья поросшая мелким ракушечником плешь то появлялась, то исчезала из пучины метрах в десяти от правого борта. Прикосновение ПВХ к такому подводному «старичку-боровичку» чревато неприятностями, которые за дюжину километров от берега запросто могут вырасти и в беду. Но разве станешь раскладывать пасьянс про мнимые опасности, когда раз за разом клюет кабрия!

